

Научная статья
УДК 94(471.64)084.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-285-293
EDN: ODWOTJ

ПУБЛИКАЦИИ А. ЦАЛИКОВА В ГАЗЕТЕ «ВОЛЬНЫЙ ГОРЕЦ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА В КАБАРДЕ

Осман Асланович Жанситов

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик,
Россия, osman.zhansitov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2153-707X>

Аннотация. В статье анализируется очерк А. Цаликова «Борьба общественных сил в Кабарде», помещенный на страницах газеты «Вольный горец». Отмечается, что наблюдения автора как современника и участника описываемых событий, выступают ценным источником для всестороннего осмыслиения сути революционной эпохи в регионе, в частности процессов, развернувшихся здесь после падения самодержавия в феврале 1917 г. и до провозглашения советской власти в марте 1918 г.

Опираясь на этот источник, можно резюмировать, что в основе обозначившихся в кабардинском обществе противоречий лежала не вовлеченность в социально-политические платформы конкурирующих общероссийских акторов, а локальный социокультурный дискурс, характеризовавшийся авторами того периода как столкновение адата и шариата. Одной стороной этого дискурса являлась местная аристократия, черпавшая в адате обоснование своего привилегированного положения, интегрированная в российское административно-правовое и культурное поле и стремящаяся сохранить статус-кво в новых политических реалиях. Другой – духовенство, выступавшее за переустройство общества на началах шариата, с его идеями равенства и социальной справедливости, и для реализации своего замысла, претендующее на политическое представительство в Кабарде.

Ключевые слова: периодическая печать, революция, Кабарда, духовенство, адат, шариат, А. Цаликов, аристократия, газета «Вольный горец».

Для цитирования: Жанситов О.А. Публикации А. Цаликова в газете «Вольный горец» как источник по истории революционного периода в Кабарде // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 285-293. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-285-293. EDN: ODWOTJ.

© Жанситов О.А., 2025

Original article

PUBLICATIONS OF A. TSALIKOV IN THE NEWSPAPER *VOLNY GORETS* AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE REVOLUTIONARY PERIOD IN KABARDA

Osman A. Zhansitov

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, osman.zhansitov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2153-707X>

Abstract. The article analyzes A. Tsalikov's essay *The Struggle of Social Forces in Kabarda*, published in the newspaper *Volny Gorets*. It is noted that the author's observations, as a contemporary and participant of the events described, serve as a valuable source for a comprehensive understanding of the essence of the revolutionary era in the region, particularly the processes that unfolded here after the fall of autocracy in February 1917 and up to the proclamation of Soviet power in March 1918. Based on this source, it can be summarized that the contradictions emerging in Kabardian society were rooted not in involvement with the socio-political platforms of competing all-Russian actors, but in a local sociocultural discourse, which contemporaries characterized as a confrontation between adat and sharia. On one side of this discourse stood the local aristocracy, drawing from adat the justification of its privileged position, integrated into the Russian administrative, legal, and cultural field, and striving to preserve the status quo in the new political realities. On the other side stood the clergy, advocating for a reorganization of society on the principles of sharia, with its ideas of equality and social justice, and seeking political representation in Kabarda as a means to implement its vision.

Keywords: periodical press, revolution, Kabarda, clergy, adat, sharia, A. Tsalikov, aristocracy, newspaper *Volny Gorets*.

For citation: Zhansitov O.A. Publications of A. Tsalikov in the newspaper *Volny Gorets* as a Source on the History of the Revolutionary Period in Kabarda. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 285-293. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-285-293. EDN: ODWOTJ.

© Zhansitov O.A., 2025

Введение

Одним из важных источников в исторических исследованиях является периодическая печать. Оперирование этим ресурсом представляется актуальным и для изучения эпохи социально-политических трансформаций, как в общероссийском, так и в региональном масштабах. Газетные репортажи и статьи, выпущенные «по горячим следам», а порой и с места событий, обладают большой информативностью и фокусируются на деталях, которые с течением времени становятся все более размытыми и ускользающими от фиксации. С другой стороны, всегда следует делать поправку на то обстоятельство, что колумнисты в условиях революционной поляризации и острой политической борьбы часто выступали как ангажированные агенты, отстаивающие определенную идеологию. Соответственно, содержащиеся в периодических изданиях материалы не всегда отражали объективную и непредвзятую оценку тех или иных событий.

Результаты

Редакция газеты «Вольный горец» стояла на демократических позициях. Ее аудиторией являлась в основном интеллигенция Северного Кавказа, которая поддержала Февральскую революцию и политику Временного правительства, открывавшую перспективы равноправного и свободного развития народов постимперской России. Не признав приход к власти большевиков в октябре 1917 г., горская демократия взяла курс на построение широкой национальной автономии, что было негативно воспринято как большевиками, установившими свою власть в регионе в марте 1918 г., так и сменившим их в январе 1919 г. деникинским режимом. Оппонирование этим силам, в конечном счете, определяло политическую направленность и стилистику публикуемых в газете материалов.

Основателем, редактором и издателем «Вольного горца», существовавшего благодаря частным пожертвованиям, являлся российский общественный деятель, публицист, осетин по происхождению А.Т. Цаликов. Обосновавшись со своей редакцией в Тифлисе в сентябре 1919 г., он пристально следил за борьбой горцев с А. Деникиным и, кроме того, принимал в ней деятельное участие, возглавив Меджлис горских народов Северного Кавказа [Турпалов 2023: 161].

Содержание номеров «Вольного горца» составляли текущая хроника событий, аналитика, публицистические материалы о развитии революции на Северном Кавказе, экскурсы в историю коренного населения. Значимую ценность представляют опубликовавшиеся на страницах этого издания официальные документы революционного периода: приказы и распоряжения военных властей и гражданской администрации в регионе, протоколы съездов, обращения и переписка видных политических деятелей и т.д.

Весомый объем материалов «Вольного горца» посвящен анализу и описанию положения дел в Кабарде. Советские авторы, писавшие историю революции и гражданской войны в регионе, однако, почти не использовали столь ценный, но политически оппозиционный медиа ресурс.

У.А. Улигов, обобщивший в своей монографии исследовательский опыт предшественников по данной проблематике, ссылается на публикации «Вольного горца» лишь дважды, и только на те из них, которые дискредитируют антибольшевистский лагерь. В первом случае он цитирует опубликованное на страницах газеты обращение представителей кабардинской интеллигенции, осуждающее репрессивные методы управления деникинской администрации, во втором – приказ правителя Кабарды Т. Бековича-Черкасского о тяжелом положении белогвардейских частей в регионе [Улигов 1979: 65].

В современной российской историографии в условиях отсутствия идеологического диктата было предложено новое прочтение событий революционного периода в Кабарде, что, однако, в большинстве случаев не сопровождалось выявлением не введенных в научный оборот новых материалов. Соответственно огромный пласт источников оказался вне поля исследовательского внимания. В этой связи, для всестороннего освещения затронутой проблематики представляется актуальным обращение к этим источникам, и, в частности, к анализу материалов газеты «Вольный горец».

Особого внимания заслуживает размещенный в трех номерах «Вольного горца» очерк А. Цаликова «Борьба общественных сил в Кабарде». Тезисы и выводы этой работы, конечно, отражают политические пристрастия автора и его взгляд на судьбу горских народов в постимперской России. Тем не менее, А. Цаликов, непосредственно вовлеченный в революционные процессы в регионе, имевший возможность общаться и дискутировать с видными общественными и политическими деятелями той эпохи, довольно точно подмечает многие нюансы социально-политической и экономической жизни народов Нальчикского округа, определявших характер их участия в этих процессах.

Интерес представляют замечания А. Цаликова относительно причин и характера общественной поляризации в Кабарде в условиях революционных турбуленций. Приведем и проанализируем выдержки из его работы:

«Образовавшийся во Владикавказе Временный Терский исполнительный комитет прислал в Нальчик комиссара Гамида Чижекова, до этого занимавшего должность судебного следователя во Владикавказском округе. Кабардинский общественный сбор переизбрал Чижекова. Были избраны также окружные комиссары и Окружной Исполнительный комитет, в руках которого была сосредоточена вся полнота власти. Все начальствующие лица и все должности были выборными и, таким образом, в Кабарде осуществилось самоуправление. Таким образом, все слои населения Кабарды приняли участие в строительстве новой жизни и организации новой власти.

Правда, никаких политических партий в Кабарде не оказалось. Конечно, не было и никаких партийных списков. Группировка Кабардинцев шла по участкам, а не по политическим или социальным симпатиям. Несмотря на то, что ответственные должности были выборными, в силу примитивности общественной жизни, отсутствия политических партий и демократии, прошедшей определенную политическую школу, власть в Нальчикском окружном исполнительном комитете оказалась в руках представителей узденских родов, и отчасти интеллигенции, вышедшей из

Свободное выборное начало повело к решительной борьбе за власть различных слоев. И эта борьба в Кабарде началась сейчас же после того, как прошел первый угар революции, ошеломивший растерявшиеся от неожиданности народ. Начали всплывать на поверхность те подводные течения, которые существовали в недрах кабардинского народа в скрытом виде, так как их давил русский административный пресс. Находясь под русским владычеством, кабардинский народ жил двойной жизнью – одна была официальная, обращенная лицом к России, другая – неофициальная, затаенная. По этим двум руслам шла и культурная жизнь.

Высшие классы и зажиточные слои были близки к русской власти. Они воспитывали своих детей в русских учебных заведениях, готовили из них чиновников, офицеров, докторов и адвокатов. Народ же учил своих детей в мектебах и медресе, был заражен чувствами исламскими, вздыхал о Турции, тем более что в Турции имеется до полутора миллиона черкесов, говорящих на том же адыгском языке. Высшие классы черпали свою идеологию в адате, освещавшем их привилегированное положение в народе и, поддерживавшемся, если не юридически, то фактически русской властью, низшие слои и духовенство – в шариате, проникнутом известным демократизмом, не признающим адата и сословных перегородок. Эта приверженность шариату усиливалась еще более в силу тех гонений и притеснений, которым они подверглись при царизме. Тем более шариат теперь стремился расправить свои крылья, после того как революция предоставила ему известную свободу и простор.

Скорее инстинктивно, чем в силу своих классовых интересов симпатий и навыков, чем по побуждениям сознательной политической идеологии каждая из этих групп захотела самоопределить кабардинский народ в своем духе. Одни аристократы и русофилы, другие – туркофилы и панисламисты. Между этими двумя группами запуталась молодая либеральная кабардинская интеллигенция. Не прошедшая школы демократической борьбы и не имевшая устойчивых политических принципов, не говоря уже о какой-то устойчивой политической программе. Если бы все же мы хотели как-нибудь характеризовать ту политику, которая началась сейчас же после революции в Кабарде, то ее мы должны были бы назвать национальной кабардинской политикой в форме аристократизма, исторически сложившегося в Кабарде.

Первое время после революции муллы только глухо ворчали, так как не чувствовали под собой почвы для выступления против объединенного фронта аристократии и интеллигенции. Голову они подняли и открыто начали выступать со своими требованиями только после 2-го общегорского съезда в Анди, бывшего в 20-х числах августа 1917 г. Там муллы увидели какую роль и авторитетом пользуются в народе дагестанские и чеченские шейхи, выступающие во имя торжества шариата. Это был для них наглядный урок главенства духовного шариатского начала над адатом. По возвращении домой кабардинские муллы выступают с требованием, чтобы в исполнительный комитет Кабардинского округа был введен мулла, чтобы

делопроизводство велось на арабском языке, чтобы в народе утверждалась начала шариата и т.п.

Кабардинская интеллигенция, получившая образование в русских учебных заведениях, хотя и ведшая национальную кабардинскую политику, но бывшая русской по духу, воспротивилась этому. Тогда муллы начали метать против этой интеллигенции «громы и молнии», обвинив ее в неверии. Близость этой интеллигенции к аристократии дала им повод упрекнуть ее в том, что интеллигенция изменяет шариату и народу. Таким образом, их борьба одинаково направлялась и против аристократии, и против интеллигенции. Кабарда оказывается разделенной на два лагеря: муллы и простой народ в одном лагере, интеллигенция, князья и уздени – в другом. Так дело продолжается до октябрьской революции» [Вольный горец 1920: 3].

Здесь приведены достаточно информативные выдержки из опубликованного в газете «Вольный горец» очерка А. Цаликова, которые ставят под сомнения устоявшиеся представления о характере социальной конфронтации в Кабарде и вносят определенную ясность в содержание событий, протекавших здесь после Февральской революции и до установления советской власти (февраль 1917 – март 1918 гг.).

Советская историография, описывавшая этот период, выделяла лишь две стороны намечавшегося социально-политического раскола – трудовой народ (крестьянство), проникшийся большевистской идеологией, и социальные верхи (князья, дворяне и помещики), пытавшиеся сохранить старые порядки. При этом из политической повестки исключалось духовенство (муллы и эфенди) [Гугов 1975: 65], которое, как следует из вышеупомянутых материалов, выступало весомым мобилизующим фактором развития революционного процесса.

К началу революции кабардинское духовенство занимало достаточно заметное место в общественной жизни и являлось органичной его частью. Духовные деятели оказывали влияние на функционирование сельских администраций, приглашались на судебные заседания, регистрировали браки и разводы, выдавали метрические свидетельства, разбирали дела, находящиеся в компетенции шариатского права. Важную роль духовенство играло в становлении и развитии исламского просвещения в Кабарде. При этом упор делался не только на теологию, но и на изучение светских специальностей. Благодаря инициативам таких видных религиозных просветителей того времени, как М. Гугов, И. Купов, братья А. и И. Дымовы, были предприняты попытки создания национальной кабардинской письменности на арабоязычной графической основе, началось осмысление и изучение прошлого и культуры народа, стали выходить газеты и т.д.

К 1917 г. в Нальчикском округе действовало порядка ста мусульманских школ с аудиторией от семи до пятнадцати учеников (сохст). В совокупности, преподаватели, выпускники этих учебных заведений и старшее поколение слушателей, представляли внушительную, социально активную и сплоченную общими идеями прослойку кабардинского социума.

Появление на политической сцене духовенства советские историки связывают с событиями сентября-ноября 1918 г., то есть уже после провозглашения советской власти в Кабарде. Здесь в советских властных структурах, вытеснив выходцев из простого народа, возладали представители дворянства и интеллигенции, которые взяли курс на ограничение влияния большевиков, укрепление

национальной автономии и объявили о политике нейтралитета, подразумевавшей неучастие кабардинских вооруженных частей в подавлении антибольшевистского казачьего восстания в Терской области [Кажаров 1999: 42-43].

Подобная ситуация, естественно, не устроила большевистское руководство региона, и для свержения «контрреволюционных» властей Кабарды им был сформирован шариатский отряд (колона) под руководством местного эфенди Н. Катханова. Ему была поставлена задача сплотить религиозно настроенное население на советской платформе и под лозунгом «Да здравствует советская власть и шариат» утвердится в Кабарде.

В данном случае усиление позиций духовенства (и это подчеркивает советская историография [Улигов 1979: 193]) связано с тактическими уловками большевиков, которые, стремясь вовлечь в орбиту революционной борьбы местное население, использовали не далекую от него социалистическую идеологию, а доступную исламскую риторику социальной справедливости.

Публикация же «Вольного горца» рисует несколько иную картину: духовенство задолго до провозглашения в регионе советской власти стало проявлять свои политические амбиции, выступив конкурирующим с прежними сословными элитами актором. И отправной точкой этой конкуренции, как указывает А. Цаликов, явился инициированный Союзом объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана Съезд горских народов в селении Анди [Материалы... 2014: 16]. Именно на этом форуме духовные лидеры, прежде всего Дагестана и Чечни, отодвинули на вторые позиции светское руководство Союза и провели процедуру избрания Муфтия мусульман Северного Кавказа [Музаев 2012: 181-183].

Присутствовавшие на этом съезде духовные деятели Кабарды, несомненно, были впечатлены триумфом своих коллег из Дагестана и Чечни и решили использовать их опыт в противостоянии с кабардинскойластной элитой, представленной аристократией и интеллигенцией.

В своем очерке А. Цаликов пишет о важном факторе, провоцирующем социальные противоречия в кабардинском обществе в революционный период, а именно о роли адата и шариата. Историография революции и гражданской войны в регионе, сосредоточившись на перипетиях классовой борьбы, не дала должной оценки этой проблематике.

Между тем, еще современник А. Цаликова белоэмигрант К. Чхеидзе, принявший непосредственное участие в гражданской войне в Терской области, в своих мемуарах заострял внимание на этом моменте:

«Столкновения адата и шариата как столкновения потока жизненных явлений и неподвижной догмы неизбежны» [Чхеидзе 2008: 86]. «Они бывали всюду в мусульманском мире. До прихода русских на Кавказ жизнь местных магометан в значительной мере регулировалась шариатом. Конкурирующим элементом шариату был адат, то есть исторически сложившиеся правила поведения, взгляды на общественный строй, на отношения между отдельными слоями населения. Консервативное и даже реакционное значение адата, заключалось в том, что он как бы освящал существующее положение, поддерживал существующий общественный строй, основанный на неравенстве. По сравнению с адатом, шариат был, несомненно, прогрессивным учением. Уже с первых месяцев революции стала заметна роль

шариатистов, как выразителей протеста против существующих порядков» [Заурбек... 2016: 240].

Примечательно, что А. Цаликов, касаясь проблемы адата и шариата в кабардинском социуме, вносит еще один существенный штрих, усложнявший взаимодействие этих культурно-нормативных практик. Речь идет о том, что, придерживающаяся адата, как гаранта своего привилегированного положения кабардинская аристократия, а вместе с ней и интеллигенция получала русское светское образование, делала карьеры чиновников, юристов, военных, то есть была в значительной степени интегрирована в российскую административно-правовую и культурную среду. Последняя, в свою очередь, обеспечивала стабильность их социальных статусов и экономического благополучия. Обладая этими внушительными ресурсами, кабардинская элита, как отмечает А. Цаликов, смогла занять ключевые должности в сформировавшихся после Февральской революции властных структурах.

Традиционно господствующее положение в политической и общественной жизни Кабарды, занимаемое представителями высших сословий, сохранялось и в рамках Российской административной системы с тем лишь отличием, что не-когда суверенные князья и дворяне влились в имперские управленческие структуры. В образованном 27 марта 1917 г. Нальчикском окружном гражданском исполнительном комитете представители традиционной элиты (Г. Сохов, М. Абуков, Т. Шакманов и др.), именуемые в советской историографии как «национальная буржуазная интеллигенция», заняли ведущие позиции. Комиссаром Нальчикского округа стал юрист Х. Чижоков, начальником милиции – дворянин А. Анзоров, казначейство возглавил князь М. Атажукин.

В то же время жизненные ориентиры «простого народа» складывались вокруг исламской культурно-правовой традиции, открывающей для него перспективы социальной справедливости и равенства. Подавляющая часть духовных деятелей Кабарды являлась выходцами из крестьянской прослойки, представители которой также составляли основной контингент религиозных школ – медресе [Думанов 2006: 136].

До революции существование этих двух ценностных платформ («аристократизма» и «шариатизма»), обозначенных А. Цаликовым, не сопровождалось какой-либо конфронтацией. Регулирующим и сдерживающим фактором в этом случае выступала этико-философская доктрина «Адыгэ хабзэ», разделявшаяся всеми членами общества и задававшая морально-нравственные ориентиры социальной коммуникации.

Однако в условиях революционных турбулений, открывших для кабардинцев перспективы строительства национальной автономии, а для всех слоев общества возможность повысить социальный статус, улучшить экономические позиции и бороться за политическое влияние, эта доктрина давала сбои. «Простой народ» в лице представлявших его интересы духовных деятелей уже перестает считаться с освещенным традицией привилегированным положением аристократии и пытается вытеснить ее с доминирующих позиций в Кабарде, обосновывая

свои претензии на смену общественно-политического ландшафта эгалитаристским нормами шариата.

Именно эти выводы следуют из предложенной А. Цаликовым схемы развития революционной ситуации в Кабарде, отметившим, что *«шириат стремился расправить свои крылья, после того как революция предоставила ему известную свободу и простор»*.

Заключение

Таким образом, размещенная на страницах газеты «Вольный горец» публикация А. Цаликова является важным источником, опираясь на который можно существенно скорректировать понимание событий начального этапа революции в Кабарде, хронологически ограниченного февралем 1917 г. и мартом 1918 г. (временем провозглашения в регионе советской власти). Как следует из наблюдений автора, основной накал социально-политических противоречий в кабардинском обществе на данном этапе разворачивался не вокруг общероссийской революционной повестки связанной с политическим противостоянием февральской администрации и претендующими на узурпацию власти большевиками. В корне этих противоречий лежал ценностно-культурный конфликт между светскими сословными элитами, интегрированными в российское цивилизационное поле и сосредоточившими в своих руках власть, и духовными деятелями, оправшившимися на народные низы и стремившимися к переустройству общества на основе шариата с его идеями о социальной справедливости и равных возможностях участия в общественно-политической и экономической сферах жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Вольный горец 1920 – Вольный горец. – 1920. – 14 июня. – № 40.

Гугов 1975 – Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. – Нальчик: Эльбрус, 1975. – 495 с.

Заурбек... 2016 – Заурбек. Книга о З. А. Даутокове-Серебрякове. – Нальчик: Издательство М. В. Котляровых, 2016. – 416 с.

Думанов 2006 – Думанов Х.М. Краткий словарь этнографических терминов кабардино-черкесского языка. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2006. – 216 с.

Кажаров 1999 – Кажаров В.Х. Государственно-политическая традиция в истории кабардинцев // Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 184 с.

Материалы... 2014 – Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 г. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. – 168 с.

Музаев 2012 – Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2012. – 608 с.

Турпалов 2023 – Турпалов Л. А. Газета «Вольный горец» как орган независимой демократической мысли в условиях гражданской войны на Северном Кавказе // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2023. – Том 27. – № 2. – С. 160-170.

Улигов 1979 – Улигов У.А. Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917-1937 гг.). – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 356 с.

Чхеидзе 2008 – Чхеидзе К.А. Генерал Заурбек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде. – Нальчик: Издательство КБИГИ, 2008. – 120 с.

REFERENCES

CHKHEIDZE K.A. *General Zaurbek Dautokov-Serebryakov. Grazhdanskaya voyna v Kabarde* [General Zaurbek Dautokov-Serebryakov. The Civil War in Kabarda]. – Nal'chik: Izdatel'stvo KBIGI, 2008. – 120 p. (In Russ.).

GUGOV R.KH. *Sovmestnaya bor'ba narodov Terek za Sovetskuyu vlast'* [The joint struggle of the Terek peoples for Soviet power]. – Nal'chik: El'-brus, 1975. – 495 p. (In Russ.).

DUMANOV KH.M. *Kratkii slovar' etnograficheskikh terminov kabardino-cherkesskogo jazyka* [A concise dictionary of ethnographic terms of the Kabardino-Circassian language]. – Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2006. – 216 p. (In Russ.).

KAZHAROV V.KH. *Gosudarstvenno-politicheskaya traditsiya v istorii kabardintsev* [The state-political tradition in the history of the Kabardians]. In: BOROV A.KH., DUMANOV KH.M., KAZHAROV V.KH. *Sovremennaya gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovleniya, problemy* [The modern statehood of Kabardino-Balkaria: origins, development, problems]. – Nal'chik: El'-Fa, 1999. – 184 p. (In Russ.).

Materialy s'ezdov gorskikh narodov Severnogo Kavkaza i Dagestana 1917 g. [Proceedings of the congresses of the mountain peoples of the North Caucasus and Dagestan of 1917]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2014. – 168 p. (In Russ.).

MUZAEV T.M. *Soyuz gortsev. Russkaya revolyutsiya i narody Severnogo Kavkaza, 1917 – mart 1918 goda* [The Union of Highlanders. The Russian Revolution and the peoples of the North Caucasus, 1917 – March 1918]. – Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2012. – 608 p. (In Russ.).

TURPALOV L.A. *Gazeta «Vol'nyi gorets» kak organ nezavisimoi demokraticeskoi mysli v usloviyakh grazhdanskoi voiny na Severnom Kavkaze* [The newspaper Volny Gorets as an organ of independent democratic thought during the Civil War in the North Caucasus] // *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 2023. Vol. 27, No. 2. (In Russ.).

ULIGOV U.A. *Sotsialisticheskaya revolyutsiya i grazhdanskaya voyna v Kabarde i Balkarii i sozdanie natsional'noi gosudarstvennosti kabardinskogo i balkarskogo narodov (1917-1937 gg.)* [The Socialist Revolution and the Civil War in Kabarda and Balkaria and the creation of the national statehood of the Kabardian and Balkarian peoples (1917-1937)]. – Nal'chik: El'brus, 1979. – 356 p. (In Russ.).

Vol'nyi gorets [Volny Gorets]. 1920. 14 June. No. 40. (In Russ.).

Zaurbek. *Kniga o Z.A. Dautokove-Serebryakove* [A book about Z.A. Dautokov-Serebryakov]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M.V. Kotlyarovych, 2016. – 416 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О.А. Жанситов – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

O.A. Zhansitov – Candidate of Science (History), associate professor.

Статья поступила в редакцию 06.10.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принятая к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 06.10.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.